Все мы задумывались над тем, как повлияла война 1812-го года на нашу культуру, культуру XIX века, в первую очередь... XIX столетие – век взлёта русской литературы, музыки, живописи, науки и философии, эпоха, в которую сложился русский литературный язык, русское искусство стало классическим, то есть образцовым для последующих поколений русских людей – многие из создателей «золотого века» жили и творили, вдохновляясь образами и переживаниями, рождёнными «грозой 12-го года».

Анна ЕВТИХИЕВА

Война и культура

А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, И. А. Крылов, М. Ю. Лермонтов и Л. Н. Толстой. «Рассказы о пожаре Москвы, о Бородинском сражении, о Березине, о взятии Парижа были моею колыбельною песней, моей Илиадой и Одиссеей», – писал Герцен. Одним из первых откликнулся на военные события «Военной песнью» поэт, автор «Писем русского офицера», Ф. Н. Глинка, который командовал дворянским ополчением, был адъютантом у Милорадовича и находился в походе до 1814 года:

Раздался звук трубы военной,
Гремит сквозь бури бранный гром:
Народ, развратом воспоенный,
Грозит нам рабством и ярмом!
Теперь ли нам дремать в покое,
России верные сыны?!
Пойдём, сомкнёмся в ратном строе,
Пойдём – и в ужасах войны
Друзьям, Отечеству, народу
Отыщем славу и свободу
Иль все падём в родных полях!

Начинает выходить журнал «Сын отечества»; произведения об Отечественной войне, опубликованные на его страницах, сплачивали, воодушевляли и укрепляли духовно русских людей в трагическое и грозное время. Осенью 1812 года в «Сыне отечества» печатаются басни И. А. Крылова «Обоз», «Волк на псарне», «Ворона и курица» и другие. Примечательно, что все басни этого периода оригинальны, сюжеты их не заимствованы из иностранных источников. Они связаны непосредственно с военными событиями, в них Крылов проявил себя как «политический писатель», поддерживающий и оправдывающий тактику Кутузова.

Так, в басне «Обоз», напечатанной в ноябре 1812 года, Крылов пытается защитить полководца от нападок молодых военных и императора Александра I, упрекавших Кутузова в непродуманности и нерешительности действий, приведших к сдаче Москвы. Задиристый и наглый молодой конь подсмеивается над опытным и неторопливым старым:

«Ай, конь хвалёный, то-то диво!
Смотрите: лепится, как рак;
Вот чуть не зацепил за камень;
косо! криво!
…
Смотреть, так выйдешь из терпенья!
Уж воду бы таскал, коль нет в тебе уменья!

Но самоуверенность ретивого приводит к печальным последствиям:

Коня толкает взад, коня кидает вбок;
Пустился конь со всех четырех ног
На славу;
По камням, рытвинам пошли толчки,
Скачки,
Левей, левей, и с возом – бух в канаву!
Прощай, хозяйские горшки!

Как в людях многие имеют
слабость ту же:
Всё кажется в другом ошибкой нам;
А примешься за дело сам,
Так напроказишь вдвое хуже.

Старый добрый конь, молчаливо уступающий ношу – Кутузов, а «напроказивший» самоуверенный молодой – Александр, по вине которого было проиграно Аустерлицкое сражение. Другая басня, «Волк на псарне», была написана в первых числах октября в связи с получением в Петербурге известий о попытке Наполеона вступить в мирные переговоры через Лористона, имевшего 23 сентября 1812 года свидание с Кутузовым. Лористон передал мирные предложения Наполеона, приведённые в донесении Кутузова Александру I. В них указывалось, что Бонапарт «желает положить предел несогласиям между двумя великими народами и положить его навсегда». Кутузов решительно отклонил предложения Наполеона и 6 октября нанёс поражение французским войскам при Тарутине. По свидетельству современника, «Крылов, собственною рукою переписав басню, отдал её жене Кутузова, которая отправила её в своем письме. Кутузов прочитал басню после сраженья под Красным собравшимся вокруг него офицерам и при словах "а я, приятель, сед", снял свою белую фуражку и потряс наклонённою головою». Об успехе, который имели патриотические басни Крылова в армии, свидетельствует письмо К. Батюшкова Н. Гнедичу от 30 октября 1813 г.: «Скажи Крылову, – писал Батюшков, – что... в армии его басни все читают наизусть. Я часто слышал их на биваках с новым удовольствием». В басне «Ворона и курица» отразилась сложная нравственная ситуация, сложившаяся в русском обществе к 1812 году. Часть высшего дворянства обожествляла Наполеона, наиболее романтично настроенные её представители ожидали, что император освободит «рабскую» Россию от невежества, снимет ярмо крепостного права, а некоторые «по-смердяковски» надеялись, что под французами жить будет уж точно не хуже, лукаво предполагали договориться с врагом. Такие настроения не совпадали с отношением основной части дворянства и простого народа к общенациональному делу – Отечественной войне против жестокого и безнравственного врага. Обо всём этом «беседуют» две московские жительницы, ворона и курица:

Ворона с кровли тут на всю эту тревогу
Спокойно, чистя нос, глядит.
«А ты что ж, кумушка, в дорогу? –
Ей с возу Курица кричит. –
Ведь говорят, что у порогу
Наш супостат». –
«Мне что до этого за дело? –
Вещунья ей в ответ. – Я здесь останусь смело.
Вот ваши сёстры – как хотят;
А ведь ворон ни жарят, ни варят:
Так мне с гостьми не мудрено ужиться,
А может быть, ещё удастся поживиться
Сырком, иль косточкой...»

Так, удивительным образом И. А. Крылову удалось соединить в русской басне не только нравственную, но и историческую, и политическую проблематику, раскрыть русский характер и подлинно народную суть войны. В. А. Жуковский осенью 1812 года в Тарутино создал знаменитую оду «Певец во стане русских воинов», в которой прославил поименно многих погибших и живых героев войны. В 1812 году Жуковский в чине поручика вступил в Московское ополчение. В день Бородинского сражения он находился в резерве, всего в двух верстах от места боя; после сдачи Москвы его прикомандировали к штабу М. И. Кутузова. В декабре того же года ода появилась в журнале «Вестник Европы» с подзаголовком «Писано после отдачи Москвы перед сражением при Тарутине». Ода сразу же приобрела огромную популярность и быстро распространилась в армии во множестве списков. «Певец во стане русских воинов» надолго определил поэтическую репутацию Жуковского и обратил на поэта внимание двора. Лиричный, восторженный слог Жуковского, хранящий наследие величественной державинской лиры, воспел и Кутузова, и Багратиона, и Раевского, и «рушителя сил» Кульнева, «вихрь-атамана» Платова, Давыдова, Кутайсова и Воронцова. Поэт прославляет личные, особые качества каждого из своих героев, их главный подвиг. Все они – не отлитые в бронзе величественные монументы, а живые, осязаемые люди, современники, творцы личной судьбы и исторической: «По всем рассыпаны путям, невидимы и зримы; сломили здесь, сражают там и всюду невредимы». Поэма построена по принципу гусарских застольных песен, поэтому неудивительно, что два русских композитора Д. Бортнянский и А. Верстовский положили её на музыку.

Как отразились события 1812 г. в творчестве А. С. Пушкина? В 1815 году он написал стихотворение «Наполеон на Эльбе», где свергнутый император – коварный и безжалостный злодей, жаждущий мщенья, но через шесть лет в оде «Наполеон» мы видим совсем другой образ – многогранный, трагический и проникновенный. В этом стихотворении уже названа основная причина крушения великого императора – безнравственная и разрушающая душу, гордая и потому обречённая «идея наполеонизма», так глубоко раскрытая впоследствии Ф. М. Достоевским в романе «Преступление и наказание».

Тогда в волненье бурь народных
Предвидя чудный свой удел,
В его надеждах благородных
Ты человечество презрел.
В своё погибельное счастье
Ты дерзкой веровал душой
Тебя пленяло самовластье
Разочарованной красой
…
Надменный! Кто тебя подвигнул?
Кто обуял твой дивный ум?
Как сердца русских не постигнул
Ты с высоты отважных дум?

В 1831 году, когда в связи с польским восстанием стали раздаваться призывы к новому походу на Россию, Пушкин написал стихотворение «Перед гробницею святой», посвящённое М. И. Кутузову, о котором поэт отзывался восторженно и уважительно: «Слава Кутузова неразрывно соединена со славою России, с памятью о величайшем событии новейшей истории. Его титло – спаситель России; его памятник – скала святой Елены! Имя его не только священно для нас, но не должны ли мы ещё радоваться, мы, русские, что оно звучит русским звуком?.. Один Кутузов мог предложить Бородинское сражение; один Кутузов мог отдать Москву неприятелю; один Кутузов мог оставаться в этом мудром деятельном бездействии, усыпляя Наполеона на пожарище Москвы и выжидая роковой минуты, ибо Кутузов один облечён был в народную доверенность, которую так чудно он оправдал!». «Перед гробницею святой», «Бородинская годовщина» и «Клеветникам России» – все эти стихотворения напоминают о народной войне, о славе русского оружия и об участи любого завоевателя, рискнувшего напасть на Россию. Так гордо и бесстрашно звучит призыв поэта:

Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

В 1835 году Пушкин пишет стихотворение «Полководец», в котором раскрывается трагическая судьба и высокое предназначение выдающегося полководца, М. Б. Барклая-де-Толли:

О вождь несчастливый!..
Суров был жребий твой:
Всё в жертву ты принёс земле тебе чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
В молчанье шёл один ты с мыслию великой,
И, в имени твоём звук чуждый невзлюбя,
Своими криками преследуя тебя,
Народ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался над твоей священной сединою.

Тактика полководца, который уклонялся от решительных сражений, заманивая противника вглубь страны, не находила понимания и поддержки у царя и армии. Но Пушкин восхваляет мудрость и стойкость Барклая, которого обвиняли в трусости и даже измене: «Ты был неколебим пред общим заблужденьем». В «Евгении Онегине» поэт называет четыре причины, предположительно повлиявшие на ход войны, и одна из них именно Барклай:

Гроза двенадцатого года
Настала – Кто тут нам помог?
Барклай, зима иль русский Бог…

На этот вопрос Пушкин даёт ответ: «Но Бог помог…»

И вот, 14 сентября, Наполеон ожидает ключей от златоглавой столицы. Ни один «сданный» город не принёс такого унижения и разочарования императору:

Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою.
Не праздник, не приемный дар,
Она готовила пожар
Нетерпеливому герою.

Так писал Пушкин в «Евгении Онегине».

Заревом пожарищ встретила Москва Наполеона, городу суждено было сгореть и возродиться из пепла в новом, правда «вражеском» архитектурном облике, в духе ампира и классицизма.

Как тут не вспомнить «Горе от ума» А. С. Грибоедова и знаменитую «лакейскую» реплику Скалозуба «пожар способствовал ей много к украшенью»? «Не поминайте нам, уж много ли кряхтят, с тех пор дома и тротуары, и все – на новый лад», – отвечает Фамусов. О. Бове возглавил комиссию по восстановлению Москвы и возник ансамбль на Манежной площади (Университет и Манеж). Была создана Театральная площадь с Большим театром, Александровский сад.

Отечественная война стимулировала и массовое народное творчество. Песни о ней, по мнению фольклористов, стали последним крупным циклом исторической поэзии. В основном это произведения о разорении Москвы Наполеоном, о Москве и Париже, об изгнании французов, об освобождении Смоленска, о Кутузове и Платове. Их знали и любили в народе особо. После того как 8 августа 1812 года Кутузов был назначен главнокомандующим, личность его приобрела исключительную популярность в народе и армии. По воспоминаниям Ф. Н. Глинки, переезд Кутузова из Петербурга к армии походил на торжественное шествие: «Народ, не находя другого средства к выражению своих простых душевных чувств, прибегал к старому радушному обычаю – отпрягал лошадь и вёз карету на себе». После Суворова Кутузов был, пожалуй, самым популярным полководцем, первым военачальником, широко использовавшим народное ополчение. В песнях Кутузов предстаёт уверенным в правоте своего дела – защиты родной земли:

Перед ним (царём) стоял генералушка –
сам Кутузов.
Уж он речь-то говорил, генералушка,
Словно как в трубу трубил:
«Не пужайся ты, наш батюшка,
православный царь!
А мы встретим злодея среди пути,
на своей земли».

Каким чувством наполнены эти слова! В них и тёплое отеческое утешение, и покровительство, и защита, и любовь. А с ними обращается народ (в лице Кутузова) к царю…

Песни об атамане М. И. Платове создавались преимущественно в казачьей среде, но бытовали по всей России. Расторопный Платов способен повлиять на ход войны, в отличие от царских чиновников:

Расплакались-растужились наши сенаторы,
Вы не плачьте, не тужите,
нам Платов пособит.

Сообщения, поступавшие в Этнографическое бюро из Владимирской, Вологодской, Калужской, Костромской, Новгородской, Орловской и других областей подтверждали, что в народе любят читать и слушать чтение о войне с Наполеоном, в особый восторг приходят, когда читают места о падении наполеоновской армии. Вот одно из описаний такого чтения в 1899 году: «В один из долгих зимних вечеров собрались в избе и слушали чтеца. Тот, закончив, прокомментировал: "Ведь это, мужики, глядите, бывамши не больно давно было, вишь, в 1812 году, так и всего-то прошло 87 лет"». 87 лет – не срок для народной памяти!

Непременно надо сказать и о том, что война 1812 года оказала огромное воздействие на развитие общественной мысли XIX века, эти события вызвали рост национального самосознания и патриотический подъём в стране. Во время борьбы с Наполеоном манифесты славянофила Шишкова стали средством обращения к русскому народу, к его национальному чувству. Торжественно-риторичный, высокий стиль шишковских манифестов в напряжённой обстановке военного времени оказывал немалое эмоциональное воздействие на самые разнообразные слои русского общества (особенной популярностью пользовался «Приказ» от 29 сентября 1812 года, в котором Шишков выражал надежду увидеть «в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина»). В канун войны, в своем «Рассуждении о любви к отечеству» он говорил: «Вера, воспитание и язык суть самые сильнейшие средства к возбуждению и вкоренению в нас любви к отечеству». Найденные Шишковым три элемента – вера, воспитание и язык – подготовили ступень уваровской триады «православие, самодержавие, народность». Стоит упомянуть и речь А. С. Хомякова, прочитанную на заседании Общества любителей Российской словесности 26 марта 1859 г., в которой он говорил, что истоки славянофильства следует искать в национальном подъёме 1812 года: «В русском обществе начала XIX века вследствие постоянного и скорбного сравнения с Европою, литератор или уходил в самого себя и в свои скудные мечтания… или обращался к родине с резким и прямым отрицанием. Здоровое общественное движение стало невозможным, а болезнь сомнения в самой России победил, на какое-то время, подвиг всей земли русской, естественная гордость пробудилась во всех. На время первенство перешло от Франции побеждённой к России-победительнице. Такие происшествия и такая слава отечества не остаются без действия на мысль и дух даже тех людей, которые, во многих отношениях, уже чужды отечеству. Умственная деятельность усилилась; показались даже проблески… сочувствия с делом отечественным». Деятельность славянофилов того периода оживила благотворный интерес к русскому народу и его старине. Результат этой деятельности – собрание русских песен И. Киреевского, словарь В. Даля, труды Самарина и Беляева, которые заложили основу научного изучения русского крестьянства, духовных основ его быта и многое-многое другое. «Двенадцатый, потрясши всю Россию из конца в конец, пробудил её спящие силы и открыл в ней новые, дотоле неизвестные источники сил… возбудил народное сознание и народную гордость…» – писал Белинский.

Пожалуй, один из главных уроков этой войны – в эволюции сознания русского общества, отразившейся в литературе – в баснях Крылова, в лирике Пушкина, Лермонтова, Жуковского, а главным образом, у Толстого: от атмосферы полного равнодушия дворянства, не понимающего масштабов бедствия, волнующегося лишь о том, что крестьяне наберутся вольного духа, – до сострадания Наташи Ростовой, готовой отдать подводы, приготовленные для перевозки имущества, под раненых.

Гвардейское столичное офицерство, некоторые представители которого не знали толком русского языка, будущие декабристы дневали и ночевали вместе со своими солдатами, от взаимопонимания между ними зависела не только победа, но и жизнь. «Неразумный, невежественный народ», и вдруг – одевающий перед боем чистые рубашки, отказывающийся пить водку – «не такой день». «Чудесный, бесподобный народ!» – говорит, узнав об этом, Кутузов в «Войне и мире». Они сохраняют бодрость духа, сосредоточенность – и на батарее Раевского, в дружеской и радостной атмосфере, где царит «одинаковое и общее всем, как бы семейное оживление», Пьер впервые понимает «ту скрытую теплоту патриотизма, которая была во всех тех людях, которых он видел, и которая объясняла ему то, зачем все эти люди спокойно и как будто легкомысленно готовились к смерти». Благодаря этой общей войне «наш барин» (так ласково и снисходительно прозвали Пьера Безухова солдаты) впервые ощутил «то неопределённое, исключительно русское чувство презрения ко всему условному, искусственному, человеческому, ко всему тому, что считается большинством людей высшим благом мира». «Гроза 12-го года» объединила народ, преодолев сословное разобщение, пробудила в людях лучшие душевные качества. И этот духовный опыт оказался вновь востребован в XX веке.

Стихотворение «Бородино» было написано в канун 25-летия Отечественной войны. Именно так, глазами простого человека, захотел Лермонтов взглянуть на те события. Не случайно именно это стихотворение зазвучало в годы Великой Отечественной войны. Его читали по радио и цитировали в публицистике. Фронтовая газета «Уничтожим врага!» вышла зимой 1941 года с призывом «Ребята, не Москва ль за нами!». Политрук Клочков обратился к своим солдатам со строками из «Бородино» накануне легендарного боя.

Так объединились эти две Отечественные войны, в которых проявились главные черты русского народа – мужество, стойкость, бодрость духа, его умение сплачиваться, «преодолевая рознь мира сего».